

В.М. СЕРГЕЕВ

**«АРАБСКАЯ ВЕСНА» И ПОЛИТИКА
ЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ**

Наблюдателю может показаться удивительной политика европейских правительств (Великобритании, Франции и Италии прежде всего) в отношении стран, захваченных «арабской весной». Учитывая процесс быстрой радикальной исламизации новых режимов в этих странах, после неудачного ливийского опыта от европейских правительств следовало бы ожидать изменения отношения к событиям в Сирии. Этого не произошло. Поэтому следует более пристально присмотреться к происходящему.

На Ближнем Востоке, на мой взгляд, сталкиваются три модели политического развития. *Первую модель* можно назвать авторитарно-модернистской, светской. В течение долгого времени она поддерживалась СССР, а после его распада страны, проводящие эту модель в жизнь, сохраняли хорошие отношения с Россией. В 1990-е годы произошел поворот в их политике: они попытались повернуться лицом к Западу. Казалось, что революционное и «террористическое» прошлое уже преодолено и забыто. Но события «арабской весны» показали, что это не так. Западные страны так и не смогли простить не только прошлую террористическую активность Ливии и Сирии, но даже вполне прозападный (хотя и сильно коррумпированный) режим Мубарака отказались поддержать в момент, когда на улицы вышли толпы демонстрантов.

В основе идеологии режимов в Алжире, Тунисе, Ливии, Сирии, Йемене лежало представление о том, что трудности и неудачи этих стран связаны с колониальным прошлым, и бывшие метропо-

лии в каком-то смысле ответственны за отсталость в развитии. Другая причина отсталости виделась в доминировании ислама, и так же, как и в Турции, роль ислама авторитарные правители стремились уменьшить. Авторитаризм (причем «новый авторитаризм») в виде доминирующей роли армейских руководителей в большинстве этих стран рассматривался как самый быстрый путь к преодолению отсталости [Vatakotis, 1991]. Методы авторитарного правления камуфлировались формальным популизмом, который принимал обычно вид социалистической идеологии.

Одновременно с этой моделью в нефтяных монархиях стран Персидского залива отрабатывалась *вторая модель* – модернистско-монархическая, абсолютистская, исламская, фундаменталистская. Эта модель развития основывалась на огромных финансовых ресурсах, получаемых от продажи нефти и газа [Holden, Johns, 1982], на привлечении в качестве рабочей силы мигрантов из бедных перенаселенных исламских стран (Пакистан, Бангладеш), на создании ультрасовременных вооруженных сил за счет закупок самого совершенного вооружения на Западе, на попытках сформировать современные финансовые рынки и усиленно развивать туристическую индустрию. В результате такие страны, как ОАЭ, Катар, Оман, Саудовская Аравия построили у себя суперсовременные мегаполисы, роскошные курорты, создали образцовые авиакомпании, а ОАЭ и Катар сформировали первоклассную сеть глобальных арабоязычных СМИ («Аль-Арабийя», «Аль-Джазира»). Развитие мощного модернизационного потенциала сочеталось с разумной социальной политикой (в Саудовской Аравии, например, проблема безработицы среди образованной молодежи стала сниматься путем ее принятия на работу в качестве школьных учителей, что одновременно повысило уровень школьного образования из-за резкого сокращения количества учеников в классах до 10–15 человек). Колоссальные финансовые ресурсы стран Персидского залива (ВНП на душу населения в Катаре, например, существенно больше, чем в США) невозможно было инвестировать вовнутрь. Образовавшийся избыток стали направлять в том числе на пропаганду ислама в других странах и на поддержку радикальных исламских движений повсюду, где их удалось создать (в Чечне, на Филиппинах, в Афганистане, в Центральной Азии). При этом правящие элиты этих стран поддерживали и укрепляли отношения с Западом, что, учи-

тывая их вовлеченность в «террористическую деятельность» в Афганистане и Ираке и антиамериканскую направленность вещания «Аль-Джазире» в период войны в Ираке, представляло собой явный парадокс. В СМИ неоднократно публиковались материалы о поддержке представителями правящей элиты Саудовской Аравии деятельности «Аль-Каиды». Тем не менее политические и финансовые интересы западных стран перевешивали риски, связанные с поддержкой арабскими нефтяными монархиями радикального ислама.

К моменту начала «арабской весны» в декабре 2010 г. перед элитами Персидского залива встал непростой выбор: ждать, пока «демократическая волна» захлестнет и их страны, или попытаться «оседлать» эту волну и повернуть недовольство антидемократической политикой авторитарных светских режимов, пользуясь лозунгами исламской фундаменталистской демократии. В качестве «страны на пробу» была выбрана Ливия, где режим Каддафи начал давать трещины.

Демократическое движение в Ливии было немедленно поддержано западными странами, которые, судя по всему, не понимали реального положения в стране, прежде всего социальных последствий клановости ливийского общества, состоящего из враждующих между собой племен. Соответственно недооценивались риски «сомализации» конфликта в Ливии (в Сомали ликвидация «социалистического» режима Сиада Барре привела к гражданской войне, длящейся более 20 лет, и развитию пиратства в прибрежных водах).

Надежды на легкую победу «демократических сил» в Ливии не оправдались. Началась тяжелая гражданская война, победа «демократов» в которой была обеспечена массовой поддержкой авиации (а возможно, и спецназа) стран НАТО. Действия «демократов» в Ливии были активно поддержаны монархиями стран Персидского залива, в особенности Катаром. Катарский спецназ, по всей видимости, использовался при штурме резиденции Каддафи. Так возник странный симбиоз борцов за демократию с консервативными абсолютистскими режимами. Заметим, что массовые демократические выступления в Бахрейне были быстро подавлены вооруженными силами Саудовской Аравии при полном молчании стран Запада.

Победа в Ливии быстро выявила истинный смысл помощи со стороны стран Персидского залива. В Ливии начали устанавливать исламский режим.

Аналогичный процесс пошел и в Египте, где на выборах победили исламские партии («Братья-мусульмане» и салафиты). То же произошло и на выборах в Тунисе.

Результатом «арабской весны», похоже, становится формирование *третьего пути* развития арабских стран – «мусульманской демократии». Можно сказать, что это явление не новое. Нечто похожее мы наблюдаем в Марокко и Иордании, где монархические режимы, в отличие от стран Персидского залива, отказались от абсолютизма и законов шариата и эволюционировали в сторону конституционных монархий, хотя и не без эксцессов. Политические режимы там достаточно прочны и легитимны, несмотря на то что в начале «арабской весны» там тоже наблюдались волнения. Можно было бы подумать, что Ливия и Египет в конечном счете окажутся в ситуации, аналогичной ситуации Марокко или Иордании. Однако они скорее напоминают Ирак после вывода из него американских войск.

Иначе складывается положение в Сирии. В то время как авторитарный режим Туниса продержался считанные недели, режим Мубарака в Египте – немногим более месяца, и наконец, полковник Каддафи сопротивлялся давлению повстанцев и натовским бомбардировкам около полугода, режим Асада, несмотря на введенные против него санкции и длящееся уже год вооруженное противостояние в Дераа и Хомсе, а также помощь сирийской оппозиции со стороны Турции и Катара, демонстрирует живучесть и, судя по проходящим в Дамаске демонстрациям, пользуется значительной поддержкой населения. Эту живучесть режима следует рассматривать в более широком контексте ситуации на Ближнем Востоке и отчасти – взаимоотношений между арабскими странами и Ираном.

Попробуем рассмотреть внимательнее политическую ситуацию в четырех странах, сильнее всего затронутых «арабской весной». Как мы уже отмечали, в Тунисе существовал светский режим. Примерно такой же характер имел режим Мубарака в Египте, может быть, несколько более закамуфлированный атрибутами западной демократии. «Джамахирия» полковника Каддафи на про-

тяжении десятилетий являла собой пример того странного симбиоза арабского национализма, ислама и идеи социализма, который потерял свою актуальность после распада Советского Союза, оказывавшего систематическую поддержку режиму, после чего Каддафи начал дрейфовать вначале достаточно осторожно, а потом все более открыто в сторону Запада. При этом авторитарный характер режима смягчался медленно. В Сирии власть принадлежит «Баас» (Партии арабского социалистического возрождения), начиная с 1960-х годов эта страна воплощала симбиоз арабского национализма и социалистических идей и оставалась условно светским государством.

Если мы посмотрим на отношение этих стран к исламу, то обнаружим, что все они отличались прежде всего светским принципом организации государственной власти. Только Ливия получала существенные доходы от экспорта нефти, что позволило ей осуществить своеобразный ливийский вариант социального государства – поднять уровень образования и медицинского обслуживания населения. Если исходить из позиции западных сторонников демократических преобразований в арабских странах, то по шкале «авторитаризм – демократия» все четыре страны находились на промежуточном уровне между откровенно абсолютистскими нефтяными монархиями – Саудовской Аравией, ОАЭ, Катаром, Оманом (вторая модель) и либеральными режимами Иордании и Марокко (третья модель). Исходя из логики либеральных политиков Европы и Америки, «арабская весна», представляющая своего рода «четвертую волну демократизации», в первую очередь должна была быть направлена против монархических консервативных режимов. Так, похоже, дело и складывалось, но в какой-то момент процесс поменял свою направленность. Как уже упоминалось, прошедшие выборы в Тунисе и Египте продемонстрировали триумф исламских сил в этих странах, а военная победа в Ливии привела к неопределенности и хаосу. В настоящее время Лига арабских стран, в которой доминирующее влияние оказывают арабские нефтяные монархии, поддерживает политическую оппозицию в Сирии. В целом картина выглядит прямо противоположно представлениям об «арабской весне» как о волне демократизации.

Это заставляет вспомнить о начале иранской исламской революции 1978 г., которая стала большой загадкой для политиче-

ских аналитиков на Западе [Kamali, 1995]. Между тем ничего сложного в объяснении иранской революции нет. Нововведения шахского правительства были типичной «белой» революцией: они не подкреплялись соответствующими моральными практиками, политические институты западного типа оказались чисто «фасадными», в стране господствовали коррупция и полицейский террор, которые вызвали недовольство либеральных интеллектуалов, склоняя их к поиску «национального пути». То есть ситуация была очень похожа на недавнее положение дел в Египте или Тунисе. Подобная половинчатость «белых» революций приводит к разрушению легитимности режима – власть в глазах народа (а часто и влиятельных элитных групп) становится «криминальной», и легитимность традиции берет верх над легитимностью государственных интересов. Сила традиции, как правило, и становится движущей силой того, что можно назвать «черной» революцией.

Основу «черной» революции обычно составляют реакция на непоследовательность «белой» революции и либо ущербность понимания ее лидерами реального смысла тех преобразований, которые они пытаются проводить, либо утопичностью внедряемых «белой» революцией социальных конструкций.

Наиболее, может быть, ясный пример первого типа – уже упоминавшиеся преобразования, проводимые шахом Ирана в 1960-х годах.

Реакция общества на фактический провал «белой» революции может быть быстрой, как в Иране в 1978 г. (в значительной мере это была реакция на огромный социальный разрыв в обществе, возникший после «нефтяного бума» 1973 г.), или замедленной, как в Египте, где Мубарак правил вполне успешно 30 лет, но конец один – возвращение к фундаментальным традиционным ценностям, с какой идеологической точки зрения оно ни было бы обставлено.

Замысел той элитной группы, которая пыталась осуществить «белую» революцию, в случае ее провала предстает в глазах общества как преступный. Не только новые, только что созданные социальные институты, но и самое главное – поддерживающие их моральные практики объявляются вне закона и полностью искореняются. В результате общество не просто возвращается к «дореволюционному» состоянию. Все развивавшиеся эволюционным путем элементы нового, вся социальная практика, подталкивающая общество к изменениям, оказываются уничтоженными в угоду «моральному

фундаментализму» традиции. Общество возвращается не к исходной точке начала преобразований, а к некоей никогда не существовавшей «идеальной традиции», которая является по существу такой же социальной утопией, как и мечты «белых» революционеров, не сумевших реализовать свои планы просто в силу неадекватности применяемых методов.

Революция в Иране начиналась как борьба против светского авторитарного режима шаха, но после короткого периода триумфа иранских иммигрантов из Западной Европы, правительства Банисадра, революция привела к установлению исламской диктатуры Хомейни. Хотя впоследствии режим в Иране существенно смягчился, его фундаменталистская направленность и по сей день остается очевидной. А ведь начинались события в Иране именно под предлогом установления либеральной демократии. В Сирии в попытках баасистского режима модернизировать страну видна та же стратегия «белой» революции.

Внимательное рассмотрение ситуации в странах «арабской весны» позволяет сформулировать своего рода модель эволюции политической ситуации, общую для этих стран. Революция, начинающаяся под либерально-демократическими лозунгами против авторитарного режима и (в последнее время) использующая для своей победы передовые компьютерные технологии – социальные сети, после формальной победы начинает давать сбои. Как только авторитарный режим оказывается убранным со сцены, на его месте возникает политический вакуум. На политическую ситуацию начинают оказывать влияние консервативная часть населения, которое просто в силу традиции и уровня образования не в состоянии воспринять либеральные ценности. Страна в зависимости от ее социальной структуры либо погружается в хаос межплеменных конфликтов, как Ливия, либо, как Египет, склоняется к установлению фундаменталистского режима, отказываясь от светского государства.

В Сирии этот процесс натолкнулся на серьезные препятствия. Рассмотрим этот вопрос несколько подробнее. Здесь нужно обратиться прежде всего к составу и структуре населения. 15% населения Сирии – алавиты, секта, которая до середины XIX в. не считалась принадлежащей исламу, а находилась вне его, примерно в таком же положении, как друзья Ливана. В настоящее время алавиты причисляются к шиитской ветви ислама, но следует заметить,

что религия алавитов окутана плотной завесой тайны. Священные книги недоступны для непосвященных, религиозные церемонии совершаются непублично. Чуть более 10% населения Сирии – христиане различных течений: католики, несториане, монофизиты. Чуть больше 70% – арабы-сунниты. Именно эта поликонфессиональность способствует тому, что режим Башара Асада еще держится. И алавиты, и христиане знают, что в случае падения режима Асада (Асад – алавит) алавитское и христианское меньшинство ждет очень тяжелая участь. Между тем по сложившейся в Сирии традиции вся верхушка сирийской армии состоит из алавитов, а значительная часть интеллигенции и профессионалов, оказывающих поддержку режиму, – из христиан. Следует отметить, что в Сирии существует мощная многотысячелетняя культурная традиция, и сирийская интеллигенция – одна из наиболее образованных и профессиональных в арабском мире. Положительным фактором ситуации в Сирии является отсутствие больших нефтяных денег, соответственно там нет того вызывающего шок у населения социального расслоения, которое стало причиной революции в Иране. Сирийская оппозиция относительно слаба и разрозненна, а проявления дезертирства в армии – ограничены. Пока лишь один представитель руководства страны, замминистра нефтяной промышленности, заявил о переходе в лагерь оппозиции.

Серьезную опасность для режима Асада представляет вовлеченность в конфликт Катара (есть сообщения в прессе об участии спецназа Катара в сирийских операциях). Катар располагает огромными финансовыми ресурсами и успешным опытом такого рода вовлеченности в конфликт в Ливии. Не менее серьезной проблемой является активность в Сирии (особенно в Хомсе) террористических групп «Аль-Каиды».

Сирийская армия достаточно велика и сильна – 330 тыс. человек, в стране существует развитая система противовоздушной обороны. По неофициальной информации (канал «Аль-Арабийя»), Россия поставила Сирии комплексы С-300. Если это так, то планы создания бесполетных зон над Сирией будут существенно затруднены. Так как офицерский корпус армии состоит преимущественно из алавитов, то осуществление иракского сценария, когда генералы практически без боя сдали Саддама Хусейна, представляется маловероятным.

Башар Асад с большим трудом, но все же идет навстречу требованиям оппозиции. В стране прошел референдум по новой конституции, одобренной 89,4% избирателей. Учитывая тот факт, что в голосовании участвовало 57,4% избирателей, принятие новой конституции представляется в достаточной мере легитимным. В реальности, конечно, все зависит от того, каково действительное отношение не проголосовавших за нее. Если больше 40% населения активно против режима, то у правительства Башара Асада могут возникнуть серьезные трудности. Хотя принятая конституция и не идеальна в смысле удовлетворения всех требований, предъявляемых к демократическим государствам, она все же представляет существенный шаг вперед и может привести к установлению реальной многопартийности.

Именно специфическая конфигурация населения и состав вооруженных сил определили, на мой взгляд, решение России и Китая воспрепятствовать повторению ливийского сценария в Сирии и заблокировать резолюцию Совета Безопасности. Визит высокопоставленных российских представителей в Сирию в конце января 2012 г., видимо, укрепил решение Башара Асада идти по пути демократических преобразований в стране.

В марте 2012 г. смягчились позиции США и Лиги арабских стран в сирийском вопросе, Россия и Лига арабских стран согласовали свою позицию по урегулированию в Сирии, Генеральный секретарь ООН направил Кофи Аннана со специальной миссией в Сирию. Усилия Кофи Аннана, чрезвычайно опытного и осторожного дипломата, отнюдь не склонного к радикальным решениям, возможно, помогут смягчить противостояние. Вся эта совокупность событий дает по крайней мере некоторую надежду на мирное урегулирование в Сирии. Такое урегулирование, однако, невозможно без искреннего желания сторон, вовлеченных в конфликт.

Здесь можно было бы порассуждать о перспективах развития ситуации в Сирии, которые, в отличие от перспектив Ливии или Египта, выглядят неопределеннее. Для стабилизации ситуации необходимы дальнейшие реальные шаги в направлении демократических преобразований. Только осторожная, но уверенная демократизация режима сможет снизить уровень недовольства суннитского большинства в стране. Уход Асада может привести к распаду политического режима, хаосу и преследованиям алавитов и христиан.

Но малейшее замедление темпов демократических преобразований будет не менее губительным. Необходимо дать реальную надежду на лучшее той части суннитского населения, которая еще не вовлечена в военное противостояние. На мой взгляд, положительную роль в разрешении конфликта в Сирии могла бы сыграть организация неформальных переговоров правительства Сирии с представителями оппозиции, находящимися за рубежом. При всей трудности организации подобной встречи ее эффект мог бы быть существенным в воздействии как на суннитов внутри страны, так и на европейские правительства, в настоящий момент настроенные конфронтационно по отношению к режиму Асада.

И, наконец, нам осталось рассмотреть положение еще в одной стране Ближнего Востока – Йемене. 30-летнее правление президента Салеха, конечно, с точки зрения протестующих было ничем не лучше правления Мубарака. В стране после массовых демонстраций с требованиями отставки Салеха начались вооруженные столкновения правительственных сил с оппозицией, армия раскололась, и в конце концов при посредничестве Лиги арабских стран президент Салех вынужден был уйти. Но режим фактически остался нетронутым, так как на пост президента был выбран вице-президент. Судя по всему, трансформация режима в Йемене еще не закончена: президент выбран на двухлетний срок, в течение которого он должен провести выборы в парламент. Протесты в Йемене не привлекали в Европе такого внимания, как протесты в Ливии и Сирии. По-видимому, это происходило по причине географического положения страны, находящейся в непосредственной близости к Саудовской Аравии, и возможного влияния ситуации в Йемене на внутреннюю стабильность арабских нефтяных монархий. Но различие отношения европейских правительств к Ливии и Сирии, с одной стороны, и к Бахрейну и Йемену – с другой, поражает. Не здесь ли нащупывается самый нерв этой политики – молчаливое соглашение не делать ничего, что могло бы повредить интересам арабских нефтяных монархий.

Если развивать эту идею дальше, то возникает примерно следующая картина: европейские правительства в вопросе о помощи арабским революциям оказались в сложном положении. Объявляя себя приверженцами демократии, они не могли не отреагировать на призывы общественности своих стран и либеральных

СМИ поддержать протест. И делали они это охотно, понимая всю неустойчивость отношений с арабскими автократами (в этом отношении особенно показателен случай Каддафи). Когда же такие страны, как Катар и ОАЭ присоединились к кампании против светских арабских автократов, менять политический курс было уже поздно, и европейские правительства с удивлением увидели, что в действительности они поддерживают радикальные исламистские течения и даже представителей «Аль-Каиды». В то же время продолжение курса на уничтожение светских автократов сулило определенные выгоды: укрепляло положение партнеров по бизнесу (нефтяных монархий) и создавало определенные перспективы экономического характера, учитывая быстрые темпы роста экономики нефтеэкспортирующих стран. Тем более что на Ближнем Востоке начал создаваться экономический кластер, включающий не только нефтедобывающие отрасли, но и крупные финансовые центры в Катаре и Дубае. Так что, я думаю, политика европейских правительств не столь уж парадоксальна, как может показаться на первый взгляд.

Литература

- Holden D., Johns R.* The house of Saud. – L.: Pan Books, 1982. – 582 p.
Kamali M. The modern revolution of Iran. – Uppsala: Uppsala univ., 1995. – 204 p.
Vatakiotis P.J. The History of Modern Egypt. – L.: Weidenfeld and Nicolson, 1991. – 572 p.